

На 50-летие Советской Армии в московском Манеже готовились к выставке. Перед открытием, по традиции, последние штрихи в ее экспозицию вносила правительственная комиссия. Во втором зале внимание одного из проверяющих привлекли три бюста: Жукова, Назарова и...

— Шомоди?.. В нашей армии венгерских генералов не было.

Ему пытались возразить, но осенившее вдруг заключение помешало взглянуть правде в глаза. Бюст под мышкой пришлось вынести за кулисы. Ненадолго...

Конечно, Виктор Шомоди мог не стать не только генералом, но даже старлеем, если бы не выжил в мясорубке 41-го, дважды не избежал расстрела, если бы его 1-я батарея 84-го легкого артиллерийского полка на самом деле не была лучшей в 55-й стрелковой дивизии.

Вообще с Белоруссией у Виктора Эрнстовича связано очень много и тяжелых, и светлых воспоминаний. Именно здесь он получил первый боевой опыт, здесь же в июле 41-го был награжден первым орденом Красного Знамени, эту землю освобождал в 43—44-м еще молодым, но уже заматеревшим командиром 175-го гвардейского Краснознаменного артиллерийско-минометного полка. Сюда в 1970-х приехал начальником ракетных войск и артиллерии округа. Здесь же, накануне войны, получил первую правительственную награду — нагрудный знак «За отличную артиллерийско-стрелковую подготовку». В те годы им награждали только по приказу наркома обороны.

Случилось это как раз на Первомайские праздники. А ведь после выпуска из Сумского артиллерийского училища Шомоди и года не успел прослужить. Его артиллерийский талант проявился в состязаниях, которые и тогда, и сегодня невозможно воспринимать без улыбки. Это тем более удивительно, что будущий артиллерийский генерал всю молодость бредил службой в кавалерии.

— Кто был героем Гражданской войны? Буденный, Ворошилов, Щорс, Котовский, Чапаев! — рассказывал Шомоди. — Я думал

только о кавалерии. В 15 лет, по окончании кавалерийской школы Осоавиахима, стал инструктором конного спорта. Но и это не помогло поступить в профильное военное училище — конкурс огромен, а мне к тому же годков не хватало. На следующий год решил не рисковать. Ведь артиллерия, подумал, тоже на конной тяге.

После похода в Прибалтику 55-ю стрелковую дивизию вывели в Белоруссию. Полку, в котором служил Шомоди, выделили под размещение одно из поместий под Брестом: усадьбу, две конюшни и свинарник. Командир полка, герой испанских событий и уже кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды Иван Воропаев подошел к процессу распределения помещений творчески: кто отлично отстреляется, тот займет лучшее.

Под занавес состязаний остались только командир первой батареи Витя Шомоди и четвертой — Миша Троян. Оба отстрелялись отлично, но по жребью Михаилу выпало открывать поединок первым.

— Он командует, какой прицел должен быть по расчету, — вспоминал Виктор Эрнстович. — После батарейного залпа все четыре снаряда, так и не поразив цель, легли веером в глубину. Причем самый ближний разорвался в ста метрах от наблюдательного пункта. Так последний конкурент сошел с дистанции, а моя батарея после удачной стрельбы вместе со штабом полка разместилась в самом лучшем здании.

В течение года 1-я батарея 84-го артиллерийского полка выиграла все огневые поединки в

дивизии, а потом и в округе. В июне 41-го на Лужском полигоне должны были состояться финальные состязания среди артиллерийских подразделений Красной Армии, но под Ленинград Шомоди уже не суждено было поехать. Началась война, и командирскую состоятельность пришлось доказывать совсем в других условиях...

— О неизбежности войны в то время говорили очень много, — рассказывал Виктор Эрнстович. — С немцами встречались во время похода в Западную Белоруссию и думали об их возможностях не очень легко. Мы были убеждены, что воевать придется не на своей территории. Когда 22 июня около пяти утра в уреченских лагерях подняли только наш и 107-й стрелковый полк, — это ни у кого не вызвало эмоций. Ходили в походы — боевые тревоги случались часто. Поэтому без суеты выдвинулись в сторону Слуцка, где к тому времени дислоцировалась наша дивизия. И только около полудня на привале командир полка Иван Воропаев объявил офицерам: «Немцы нарушили перемирие, на границе идет бой!»

24 июня на марше 1-я батарея 84-го полка открыла свой счет «воздушным» потерям противника. Вопреки распространенному мнению о том, что немцы не выбрасывали над территорией Белоруссии десанта, первая боевая задача артиллерийских расчетов Шомоди в том и заключалась, чтобы не дать одному из них приземлиться и вызвать панику в Барановичах. Уцелевших парашютистов тогда остался добывать 107-й стрелковый полк.

Летом 41-го в районе Пропойска, нынешнего Славгорода, батарея Шомоди умудрилась сбить и немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189» по прозвищу «рама»! Тактико-технические характеристики 76-мм дивизионной пушки образца 1936 года Ф-22 позволяли делать и это, но сначала командиру батареи предстоит выйти сухим из воды в очень щекотливом боевом эпизоде.

— В первые месяцы немцы, как правило, воевали по распорядку. Потом мы приучили их воевать в любое время суток, — рассказывал Виктор Эрнстович. — День сдерживали натиск танковой дивизии СС «Рейх», ночью снимались и занимали новые позиции. На Березине, в районе Якшицы, стоял единственный на всю округу большой деревянный мост. Немцам он нужен был целым, и рвались они через него напропалую, не считаясь с потерями. К тому времени моя артиллерийская батарея осталась единственной в дивизии, а потому и стояла на прямой наводке по ходу моста. В самый разгар боя получаю приказ командира полка немедленно сниматься с позиции и не дать противнику в нескольких километрах севернее перейти реку вброд. Разведка доложила, что немцы выдвигают туда танковую колонну.

Рванули через лес. Дорогу Шомоди показывали разведчики. Но на опушке их бросок остановил генерал и два автоматчика:

— Стой! С поля боя бежишь? Расстреляю!

Шомоди доложил.
— Врешь!..
Ситуацию спасло появление артиллеристов с орудиями — заминка не больше мину-

ты. Тем временем один немецкий танк уже выходя из воды, один переправлялся и еще четыре ожидали очереди на противоположном берегу.

— Наглость нам тогда помогла. С ходу перед ними развернулись. Первым же выстрелом, метров с 400, подбили ближайший танк, вторым — тот, что готовился к переправе. Они неудачно ответили и ретировались.

О Пропойске 41-го писали мало, между тем здесь были тяжелейшие бои. Чтобы обеспечить проход войск к Смоленску, Гудериан был вынужден в течение месяца держать на этом направлении ряд частей 2-й танковой группы.

Скромный вклад 1-й батареи 84-го полка в этом противостоянии заключается в том, что Шомоди пристрелял три прогала старой смоленской дороги. И если на первом появилась цель, то на втором-третьем артиллеристы ее обязательно уничтожали. Другими словами, единственная уцелевшая в 55-й стрелковой дивизии батарея заставила немцев искать объездные пути. Это, естественно, вызывало злость.

— Командир полка Иван Воропаев очень любил и нас учил стрелять «собачий залп», — рассказывал Виктор Эрнстович. — Когда подаешь команду «Беглый огонь», первое орудие стреляет сразу, а все остальные — по выхлопу пламени из дульного среза. И немцы считали, что это автоматическая артиллерия. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны сохранилась даже немецкая листовка, в которой они обещали меня, командира автоматической батареи, повесить.

Под Пропойском Виктор Эрнстович «сбрил с горизонта» и немецкий самолет:

— На болоте у деревни Монастырщина появилась песчаная коса. Она уже успела зарости молодняком, но на старых картах еще не значилась. На этой косе я поставил батарею, да так замаскировал, что ничего не было видно. Часиков в семь утра над позициями нашего полка неизменно появлялась немецкая «рама». Облетит боевые порядки,

постреляет и уходит за Сож. Нам привезли тогда снаряды, снаряженные картечью для стрельбы по проволочным заграждениям. Начинка — пары металлических шариков, связанные между собой тросиками. Мы подготовились к очередному ее визиту, и когда «рама», сделав дело, стала уходить за Сож, дали батарейный залп. Сбили! Что после этого началось... Лес позади нас на возвышении немцы почти полностью скопили артиллерийским огнем, в деревне побили много домов. На позицию нашей батареи не залетел ни один осколок. Они и предположить не могли, где находились наши орудия Ф-22.

В то время это орудие можно было сравнить со снайперской винтовкой.

□ Февраль 1945 г. После отражения контратаки

□ Командир полка гвардии майор Шомоди (в центре). 1945 г., Германия

«Собачий залп» лейтенанта Шомоди

Угол вертикального возвышения минус 5—плюс 75 градусов. 60 градусов — угол горизонтального обстрела. Три прицела: для стрельбы с закрытых позиций, прямой наводкой и по воздушным целям. До войны в мире наблюдалась тенденция производить универсальное оружие, и изобретение 1936 года советского конструктора Грабина вполне отвечало этим критериям. В СССР была традиция — любой вид оружия выставлять на показ перед Политбюро и Сталиным. Так вот, к кремлевскому показу детища Грабина этими орудиями успели перевооружить не более 20 полков. Всего было выпущено около трех тысяч 76-мм дивизионных пушек Ф-22. Сталину они показались очень сложными, и в предвоенные годы в артиллерийские части стали поступать хорошие, но более простые 76-мм дивизионные пушки образца 1939 года ЗИС-3.

□ Конноспортивный праздник в честь Победы. Грейфсвальд, май 1945 г.

□ Командир полка Шомоди после освобождения Белоруссии

☆☆☆

В боях под Пропойском Шомоди раз и навсегда оценил значение простой и вместе с тем тяжелой аксиомы войны: сохранить жизнь подчиненным может только солдатская лопата и безукоризненная маскировка. Сколько писем с благодарностью получил он после войны от детей и внуков бывших однополчан. В 175-м гвардейском Краснознаменном, ордена Александра Невского артиллерийско-минометном полку, который Шомоди принял в 44-м, к концу войны было три Героя Советского Союза. Один из них, сержант Алёшин, был к тому же и полным кавалером ордена Славы (в Красной Армии обэ титула носили всего четыре человека). Все остальные гвардейцы имели не менее двух государственных наград. За полтора года, что он прошел с ними от Белоруссии до столицы Германии, в полку погиб только один солдат и еще 15 были ранены. А ведь первые приказания зарыться в землю казаки восприняли чуть ли не в штыки. Что этот мальчишка 23 лет от роду понимал в войне и их казачкой удали?! Но может, и вернулись его артиллеристы-минометчики живыми к своим семьям потому, что Витя Шомоди успел понять многое.

В августе 41-го его 1-я батарея была вынуждена оставить Пропойск, но все же не избежала самой тяжелой участи. Из окружения Виктор Эрнстович вышел без документов и своих знаменитых кавалерийских шпор. Те, что в 46-м его лично заставил снять начальник Военной артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского, Шомоди были уже не так дороги, как первые, сделанные еще во время учебы в военном училище.

В Сумах жил знаменитый мастер Комиссаров. Он делал шпоры из шомполов. А в звездочку вставлял серебряную монету. Их малиновый звон мог разбить не одно сердце. . . Но прорываясь к своим, о танцах ли было думать...

На второй день заточения в землянку, где находились бывшие окруженцы, вошел красноармеец:

— Кто тут Шомоди? Давай к начальнику. В землянке собеседа его поставили лицом к стенке, руки за спину. Кого-то ввели следом.

— Повернулся. Передо мной стоял заросший и изнеможенный начальник штаба нашей дивизии подполковник Тер-Гаспарян, — вспомнил Виктор Эрнстович. — Когда пропал комдив, он принял командование на себя. Мы хорошо знали друг друга, так как он лично ставил задачи моей батарее, и подтвердили это. Если бы не такое счастливое стечение обстоятельств, меня могли бы и шлепнуть, что в тех условиях было бы вполне логичным. Тер-Гаспарян потом стал генерал-полковником и возглавлял Одесский военный округ. А я сразу же в отделе кадров получил предписание и был направлен в часть. Война продолжалась...

В объяснительной записке нет ничего удивительного, кроме одного факта. То, при каких обстоятельствах пропали орудия 1-й батареи 84-го полка, кавалеру орденов Ленина, трех — Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды гвардии майору Виктору Шомоди пришлось объяснять 14 мая 1945 года. Сразу после войны и устроенного по этому поводу в Грейфсвальде конноспортивного праздника. Задлый кавалерист на своем верном Пирате оказался единственным командиром артиллерийского полка, который смог продемонстрировать высшему военному руководству армии-победительницы прекрасную выездку и рубку лозы, в том числе и двумя клинками.

Время тогда было такое... ☆

Подполковник Владимир КУЦ

Объяснительная записка

«Попал в окружение 17 сентября в районе города Тырятин при следующих обстоятельствах. В ночь с 15 на 16 сентября 41-го, получив лично от командира 55-й стрелковой дивизии приказ, занял с батареей оеневую позицию в районе моста через реку Удой у деревни Перелазово. Задача — не допустить захват моста противником, пропустить через него дивизию и продержаться еще не менее 4 часов, чтобы дать ей возможность оторваться. После выполнения задачи в 4 утра с оставшимися передковыми запасами боеприпасов отвел батарею за мост, прикрыл огнем переправ, которые его взорвали, и повел батарею в указанный мне район сосредоточения дивизии. У деревни Мамонтово при переезде через мост попал под сильный артиллерийский огонь противника, во время которого два орудия, свернув с дороги, подорвались на минах. Люди, которые сидели на лафетах, и кони погибли. У деревни Лельяки встретил командира полка майора Вороняева (ныне Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор артиллерии, в 1944 году командовал артиллерией 4-го гвардейского стрелкового корпуса), доложил ему о выполнении задачи и потерял... От него узнал, что полк разбит. На западной окраине деревни Лельяки напоролся на танковую засаду немцев. В завязавшемся бою кони были перепуганы, люди погибли, а орудия подорвались вместе с собой два наводчика. В живых остались только я, комиссар батареи политрук Шлеев, который в тот же вечер был убит, командир оеневого взвода младший лейтенант Ермаков (убит в декабре 1941 года в Курской области), и разведчик ефрейтор Маренков. Вегерле. В саду за деревней Лельяки встретил помощника начальника штаба полка по разведке старшего лейтенанта Панова. От него узнал, при каких обстоятельствах погиб полк, и о том, что противник, овладев городом Тырятин, замкнул кольцо окружения, и мы находимся далеко у него в тылу. Посоветовавшись, решили продираться на северо-восток в направлении Курска. На 4 — 5-й день в районе деревни Степаново встретил командира штабной батареи нашего полка лейтенанта Сергеева и в четвертом 4 октября вышли из окружения у хутора Кившик (около местечка Буринь) в районе 40-й армии. 6 октября получил назначение на должность командира батареи в 817-й артиллерийский полк 293-й стрелковой дивизии...»